

-1-

45

Показание арестованного М.И. Бухарина,

В 1928 году в стране пролетарской диктатура обозначилась известными элементами кризиса в отношениях между пролетариатом и крестьянством, и руководство партии, во главе с И.В. Сталиным, стало наметать пути преодоления этих элементов на основе дальнейшего победоносного продвижения к социализму. Я стал в оппозицию к ряду мероприятий, намечавшихся И.В. Сталиным. Это объяснилось моим непониманием всей сложности процесса, известной пагубной перед мелкобуржуазной стихией, это объяснилось и рядом неверных ^{существенных} теоретических положений: недооценкой мощи государственного аппарата, прищипывали и недialeктическим представлением о дальнейшем ходе классовой борьбы в стране (исключение периода обострения классовой борьбы), переоценкой роли таких отношений обострило Тита, неверные толкования ленинского кооперативного плана (испорил вращением "кулацких гнезд" через кооперативную и банковскую систему в социализм) и т.д. На этой основе выросла Тажмо и недialeктическая трактовка последних предсмертных статей Влад. Ульянова.

Все эти неверные установки, мне вынесены у меня, помешались на содержательную неверную в корне оценку политической конъюнктуры.

Непосредственным толчком, особенно мне взбудоражившим, был следующий факт. Однажды я пришел вместе с Е.В. Цетлинским, который работал со мной в Коминтерне, в ТМУ, куда я был вхож и при Дзержинском и при Менжинском, и в кабинете у Ягоды стал спрашивать его о том, что делается с мужиком по данным ТМУ. Ягода вызвал Тода специально работника (его фамилия, если не ошибаюсь, была Алексеев) и сказал, чтобы он доложил мне соответствующую данность (я был тогда членом ЦК). Тот сделал четкий доклад, иллюстрированный рядом цифровых данных, касавшихся числа и размеров всевозможных проявлений крестьянского недовольства. Этот доклад (сухой и фактический) меня особенно взволновал. Я спросил Ягуду: "Ты же ведь не докладываешь обо всем этом в Политбюро"? на что он сказал: "Это Ваше дело, Н.И." (Разучужность). После этого я побежал к К.Е. Ворошилову в Реввоенсовет, застал у него, как помню, Бубнова (он, канцеляр, был канцеляриком ПУРА) и взволнованно стал говорить о том, что слышал. К.Е. Ворошилов сказал мне: "Ты вот впадаешь в панику и истерику" и затем, как мне было это ясно в ближайшие же дни, рассказав и Сталину о моих настроениях, Вспомнил, что я стал Тода собирать и в ЦСУ и в других местах различные экономико-статистические материалы, и в голове моей стали складываться, с большим давлением ряда моих неверных теоретических установок, мысли о политике по отношению к крестьянству, которые шли вразрез с рядом мероприятий, намечавшихся и формулировавшихся И.В. Сталиным.

На этой почве у меня стал происходить ~~с~~, с одной стороны, конфликт ~~с~~ с партийным руководством, нарастающее отчуждение от Сталина и постепенное сближение с Рыковым и Томским, из высказываний которых на закрытых заседаниях ЦК я видел, что они держатся, примерко, тех же взглядов, хотя и без откровенной ~~на тот момент~~ по моему разумению —

теоретической подоплеки. Одновременно я систематически делился своими мнениями с так называемыми "учениками", заравнявшими ~~рядом~~ моими неверными теоретическими установками, показывая или соответствующие матерьялы, недопустимыми и антипартийными образом рассказывал или о конфликтах на закрытых заседаниях ЦК и таким образом держал их в "курсе дела", воспитывал их на установках, шедших вразрез с партийными решениями. Нужно сказать, что общение с Рыжовым и Томским произошло далеко не сразу: они казались нам (т.е. мне и "школке") сперва слишком правыми и даже казались одноклассниками "правыми" в этой среде. Но логика нарастающих разногласий сделала свое дело. К Тому же при таком положении вещей, когда я все более неверно оценивал всю ситуацию в целом, ~~вот~~ при своих выступлениях в ЦК высказывал все более решительно против намечавшегося курса и получал соответствующие вполне справедливые с точки зрения большинства политики, а не обывательской друиды, удары, мне казалось, что меня несправедливо "облизывают", хитят, отсылают и т.д. Примерно то же мне казалось и в сфере политики К.И., руководители которого я тогда, по постановлению ЦК, был, хотя здесь, как мне казалось, не было столь больших разногласий: но "русские дела", естественно, ^{накидывали} ~~бросали~~ свой мощный отпечаток и на брешни внутри К.И.

На этих общих основах мало-по-малу натались совещания ряда членов ЦК, помимо упомянутых Рыжова и Томского. Если память мне не изменяет, первое такое совещание было на даче у М.П. Томского, где я выступил с чем-то вроде тезисов, более или менее свежо формулировавших мои взгляды. Там был я, Томский, не помню был ли Рыжов, некоторые члены ЦК-профсоюзники (помню Угаров), был, кажется, Смирнов ("Фона"), В. Положский, Антипов, Доганов, возможно, кто и Ушаков. Там еще была разномыслица. В. Положский вообще на горизонте не появлялся. Смирнов, известный, как человек весьма правых настроений, встретив меня однажды перед какими-то из пленумов, отговаривал меня от выступлений на пленуме (но совещания эти продолжались, обычно концентрируясь хронологически перед пленумами ЦК или какими-либо важными партийными совещаниями и имели своего ~~цели~~ непосредственной целью организацию выступлений ~~на~~ на этих пленумах. Антипов скоро отошел. Но зато в этих совещаниях принимали участие т.н. "москвичи": ^{Ушаков,} Котов, Куликов, ^{в начале В. Михайлов,} раз, помню, был Яковлев, раз был в какой-то комбинации Ротин, который для меня потом исчез с горизонта. И тогда на этих совещаниях были рыжовские ~~свои~~ "ученые секретари" (Нестеров, Радик, не помню, был ли Толбидман) и "мои" сторонники: Селехов, Марезкий, Е. Цетлин и другие. Рыжовские секретари и мои "ученики" играли в известной мере роль идеологических аппаратов: собирали матерьялы, помогали при составлении конспектов речей или самих речей, согласно обсужденным установкам. Совещания эти обычно происходили в Кремле, у меня или у Томского, или у Рыжова. Наряду с этими совещаниями следует отметить продолжавшееся, кажется, два дня, бдение профсоюзников у Томского во время известного съезда профсоюзов, ^{на какие бдения} ~~где~~ ~~куда~~ приходил и я. Здесь было очень много народу, но я их вспомнить не могу ~~вот~~ с полной определенностью: Угаров, Доганов, Ударов, В. Шмидт, по моему, были; вспоминаю фигуру Мельништанского, который, вращая свои чувства сипарши, в то же время, ругая себя, жалел, что ~~и~~ с Томским он не может все же. Это "много народу" быстро растаяло. В общем из людского состава, который ложился в основу складывавшейся правой организации ложились следующие основные силы:

- 1) М.П. Толмский и группа продсотъзников;
- 2) А.И. Рокнов, его секретариат (Нестеров, Равин, Толбухан) и его связи с молодцами и совпапарада;
- 3) Н.И. Бухарин и его "ученики";^{*}
- 4) "Москвичи" во главе с Улановыми (Котов, Куликов, в известное время - в начале - Михайлов; Яковлев; связи Уланова с группой его сторонников в Промакадемии и молодежи во главе с Матвеевыми).

В общем складывалась организация правых оппозиции ~~и~~ была такая группа более или менее тем, что ~~неформально~~ называлась "Loose Organisation", но мало-помалу отбивалась своеобразная, хотя и незафиксированная и расплывчатая, организационная иерархия: оппозиционные члены ЦК, а над ними фактическое руководство из "тройки" (Бух., Рок., Толмский), естественно выделявшееся и благодаря своему удельному весу, и благодаря своему политикону; это и стало тем, что можно назвать "правый центр". Ближайше к нему стоял Н.А. Уланов, который ~~и~~ будучи ранее секретарем МК, имел за собой "москвичей".

* А.Н. Сметков, Д.П. Марещкий, П. Астров, Зайцев, П. Александров, Ф. Толбушев, Караалыев, Сапожников, А. Ступский, П. Петровский, И. Краваль (отомел), Д. Ризит, К. Возецаев (отомел вместе с И. Кравалем)